



## Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1887 <sup>1)</sup>.

*20 марта.* Былъ у В. П. Гаевского, между прочимъ, для вопросовъ объ экономическихъ обѣдахъ (вслѣдствіе смерти Грейга). Были Е. И. Ламанскій, Г. П. Небольсинъ, Н. Козловъ, Краевскій. Много говорили объ инцидентѣ Каткова, занимающемъ теперь весь городъ. Катковъ напечаталъ воинственную статью, направленную противъ Германіи, противъ министерства иностранныхъ дѣлъ и противъ правительственнаго сообщенія о нашихъ дружественныхъ отношеніяхъ къ Германіи. Германскій посолъ Швейничъ спросилъ Гирса, кому германское правительство должно больше вѣрить— „Московскимъ Вѣдомостямъ“ (редакторъ которыхъ получилъ Владимірскую звѣзду при рескриптѣ, выражающемъ сочувствіе его государственнымъ взглядамъ) или „Правительственному Вѣстнику“? Гирсъ просилъ Государя или его уволить или дать предостереженіе Каткову.

Уволить не согласились, а вмѣсто предостереженія послали словесный выговоръ. Катковъ пріѣхалъ сюда и хочетъ прекратить свою редакцію „Моск. В.“.

*22 марта, воскресенье.* Сегодня у меня кое-кто былъ. Катковъ торжествуетъ; не только нѣтъ рѣчи ни о какомъ предостереженіи, но Государь обласкалъ его и сказалъ, что онъ знаетъ, что Катковъ—первый патриотъ Россіи. Н. Литке видѣлъ вчера Гирса, и тотъ сказалъ ему, что il ne se tient pas pour battu (не считаетъ себя побѣжденнымъ), что онъ будетъ говорить съ Государемъ, выйдетъ

<sup>1)</sup> См. „Русская Старина“, декабрь 1912 г.

въ отставку. Катковъ былъ у Гирса, и Гирсъ его не принялъ. Ничего изъ этого не выйдетъ, и Гирсъ останется.

Интересно то, что мнѣ говорилъ сегодня Д. Воейковъ. Въ Берлинѣ будутъ теперь знать, что сила на сторонѣ Каткова, и будутъ вести переговоры съ нимъ, а не съ Гирсомъ. Катковъ же съумѣетъ пойти на сдѣлку съ Берлиномъ и охранить достоинство Россіи лучше, чѣмъ Гирсъ (все это очень возможно, но хорошо положеніе!).

Всѣ, кого я вижу, крайне возмущены противъ Каткова. Положеніе нестерпимое! Просто нѣтъ правительства, а диктаторствуетъ частный, безотвѣтственный человекъ Катковъ. Конечно, при дряности нашего государственнаго люда и пассивности общества, это положеніе можетъ продолжаться. Но мнѣ оно кажется очень натянутымъ и, кажется, должна бы быть какая-нибудь *détente* отъ внутреннихъ или внѣшнихъ обстоятельствъ. Это положеніе хуже, чѣмъ Болгаріи. Командуетъ первый встрѣчный. Верховная власть унижена. Европейскія правительства должны получить полное презрѣніе къ такому анархическому состоянію. Тутъ же нигилизмъ, весьма распространенный. Грустно за Россію! Если бы я былъ моложе, то пошелъ бы къ Государю во что бы то ни стало, чтобъ открыть ему глаза.

*23 марта.* Былъ сегодня у В. К. Сергѣя Алек. и нашелъ у него Павла Алек. Были со мной очень милы, совсѣмъ такъ дружественны и просты, какъ будто ближе къ нимъ на свѣтѣ нѣтъ никого, какъ я. Въ такія минуты я чувствую себя очень къ нимъ близкимъ. Это бываетъ, когда мы одни безъ придворнаго *entourage*'а. Я это прямо высказалъ С. А. и сказалъ, что я ихъ люблю, для меня—наслажденіе ихъ видѣть, но я терпѣть не могу придворной атмосферы и потому не часто у него бываю. Въ разговорѣ обнаружилась интересная вещь. Какимъ же образомъ Государь ласкаетъ Каткова, представляющаго собой воинственную политику? Тутъ ничего нельзя понять, какъ во всемъ нашемъ положеніи. Я сказалъ, что нахожу печальнымъ триумфъ Каткова, и вообще все очень грустно. Кажется, и они съ этимъ согласны. По крайней мѣрѣ, ни малѣйшаго возраженія на мои искреннія мысли о Катковѣ, Каульбарсѣ и т. д. я не слышалъ. Если можно, я еще поговорю съ С. А., но не хочу лѣзть впередъ и навязывать мои мысли. Прежде былъ нечестолюбивъ, какъ и теперь, но теперь сверхъ того усталъ и неспособенъ дѣйствовать.

*24 марта.* Сегодня завтракалъ у В. К. Сергѣя Алек., и у меня былъ съ нимъ до завтрака интересный разговоръ. Я облегчалъ мою душу, исполнивъ мой долгъ. Я изложилъ мой взглядъ на отно-

шенія Государя къ Каткову—на иллюзіи, въ которой находится Государь относительно значенія Каткова въ русскомъ обществѣ. На это С. А. отвѣчалъ мнѣ: „я еще на-дняхъ говорилъ съ Государемъ о Катковѣ и откровенно и многое ему сказалъ въ томъ родѣ, какъ вы говорите. Но тутъ ошибка и ваша, и многихъ. Фаворъ Государя къ Каткову чрезвычайно преувеличенъ. Это говоритъ самъ Государь. К. прѣзжаетъ сюда при каждомъ событіи, чтобъ собрать свѣдѣнія (пошпіонить) для своихъ статей и придать себѣ значенія, и больше ничего“. Противъ того, что говорилъ С. А., я возразилъ еще: „Фаворъ исключительный, который возмущаетъ всѣхъ порядочныхъ людей, доказывается для всѣхъ ясно: рескриптъ Каткову весной при звѣздѣ; онъ свалилъ Бунге и повалилъ Вышнеградскаго; онъ теперь написалъ противъ правительственнаго сообщенія и послѣ этого былъ очень милостиво принятъ. Наконецъ, просто уже фактъ необычайный имѣть личный доступъ къ Государю и мочь ему говорить, особенно нынѣшнему Государю, который никого не видитъ. Это все факты достовѣрные, что бы тамъ ни преувеличивали. На все это С. А. молчалъ. Онъ, очевидно, со всѣмъ этимъ согласенъ. Онъ очень хорошъ съ Государемъ, но апатиченъ къ общему дѣлу и не говоритъ ему“.

Послѣ того я былъ у П. Θ. Самарина.

С. считаетъ К. все-таки патриотомъ (его главный мотивъ патриотизмъ), но соглашается во всемъ остальномъ со мной, даже не считаетъ К. честнымъ. Признаетъ его властолюбіе, самолюбіе, корыстолюбіе. Соглашается, что все это положеніе глупое и гибельное для Россіи. Однако, много считать К. патриотомъ,—онъ прежде всего думаетъ о себѣ,—не о карманѣ, хотя и его не забываетъ.

Таково мое убѣжденіе: я могу ошибаться, но едва-ли. Въ настоящую минуту вся Европа говоритъ всего болѣе о К. и его свиданіи съ Государемъ.

Я спросилъ Самарина: „если К. искренній патриотъ, то отчего же онъ не идетъ въ министры, онъ могъ бы еще болѣе сдѣлать для Россіи, но онъ боится отвѣтственности“. Самаринъ говоритъ, что онъ хочетъ дѣйствовать, какъ публицистъ. Но какой же это публицистъ, насильственно зажимающій ротъ печати?

26 марта. Вчера былъ обѣдъ важнѣйшихъ членовъ эконо. обѣдовъ у Е. И. Ламанскаго для предварительнаго обсужденія: 1) избранія новаго предсѣдателя на мѣсто Грейга; 2) чествованія памяти Грейга. Были Вешняковъ, Гротъ, Любоцинскій, Небольсинъ, Куломзинъ, Кауфманъ, Гаевскій, Тернеръ и я (потомъ прѣхалъ Мордвиновъ). Рѣшили предложить на слѣдующемъ обѣдѣ выборъ постояннаго предсѣдателя (были двѣ другія комбинаціи—отбро-



шенныя—вернуться къ старому порядку избранія предсѣдателя на каждый обѣдъ и усиленія числа вице-предсѣдателей для предсѣдательства по очереди) и предложить подписку на капиталъ для премій. Видимо Ламанскій очень желаетъ быть предсѣдателемъ. Многие находятъ его общественное положеніе недостаточнымъ и желаютъ Грота, который хотя и отказывается, но, я думаю, не будетъ упираться. Гротъ былъ бы полезенъ, и я колеблюсь, на что мнѣ рѣшиться.

28 марта. Третьяго дня обѣдалъ у В. К. Александры Іосифовны. Была очень нѣжна и извинялась, что давно не приглашала среди исключительныхъ обстоятельствъ времени. Она ужасно жаловалась на окружающія обстоятельства—покушенія и фаворъ Государя къ Каткову, и я съ ней очень сошелся.

Вчера было общее собраніе Сената: опять тѣ же два теченія—людей, угождающихъ министрамъ, и независимыхъ обвиняемыхъ въ оппозиціи, въ антиправительственныхъ чувствахъ! Къ послѣднимъ принадлежу и я (вмѣстѣ съ Мордвиновымъ). Во главѣ этой группы (она приблизительно составляетъ половину сенаторовъ общаго собранія) стоятъ Арцимовичъ и Шумахеръ. Ничего кромѣ *охраны законности* въ государствѣ противъ произвола правителей не хочетъ эта группа.

По моей совѣсти я принадлежу къ этой группѣ. Можетъ быть, мнѣ это и повредитъ. Веліо—другой человекъ. Вчера мы обѣдали у него съ Мордвиновымъ. Онъ произвелъ на меня самое грустное впечатлѣніе—какъ и всегда относительно публичной жизни. Это *неудавшійся* карьеристъ, хотя ему удалось несравненно больше, чѣмъ онъ заслуживалъ. Онъ раздраженъ, что его не дѣлаютъ членомъ Государственнаго Совѣта, и считаетъ за собой на это право. Но за что? Это всегда былъ неспособнѣйшій и наименѣе образованный изъ всѣхъ моихъ лицейскихъ товарищей. Онъ всегда былъ прежде всего жуиромъ и дѣлалъ необыкновенную блистательную карьеру вслѣдствіе своего отца, потерявшаго руку на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Объ этомъ онъ постоянно напоминаетъ, даже съ наглостью. Но получая быстрыя повышенія безъ всякой работы, онъ Богъ знаетъ, что о себѣ возмнилъ. Впрочемъ, честный человекъ и это его достоинство. 1-го марта 1881 г., когда онъ доказалъ свою полную несостоятельность какъ начальникъ тайной полиціи, онъ впалъ въ немилость, хотя былъ сдѣланъ сенаторомъ съ огромнымъ содержаніемъ и позволеніемъ жить въ деревнѣ. Теперь онъ изъ недовольныхъ. Его убѣжденія самыя антипатичныя деспотическія. Онъ говоритъ, что все, что дѣлаетъ Сенатъ, выѣденнаго яйца не стоитъ—съ той точки зрѣнія, что только личная

административная власть имѣеть значеніе. Онъ не понимаетъ, что, напротивъ, только то, что дѣлаетъ Сенатъ, охраняя законность въ государствѣ, останется, какъ вѣчный капиталъ, хотя и накапливаемый по капелькамъ. Въ сравненіи съ этимъ не только всѣ административныя распоряженія, но и законы, ломающіе и созидающіе изъ года въ годъ,—ничто. Веліо рассказывалъ изъ вѣрныхъ источниковъ (чиновъ тайной полиціи), какъ было дѣло 1-го марта. Открытъ заговоръ черезъ перлюстрацію за нѣсколько дней, т. е. случайно. Эти юноши такіе идіоты, что переписывались по почтѣ о своихъ замыслахъ.

Оржевскій слѣдилъ и открылъ, окруживъ преступниковъ своими агентами. Храня добычу только для себя, онъ ничего не сообщилъ Грессеру. Отсюда раздраженіе противъ него и немилость къ нему. Если бъ Грессеръ зналъ раньше, то онъ направилъ бы Государя въ Петропавловскій соборъ не по Невскому.

Все-таки, хотя это рассказывается, какъ совершенно достоверный фактъ, это еще не ясно.

Междуусобіе полиціи траги-комично.

30 марта. Вчера былъ у меня членъ Госуд. Совѣта Старицкій. Прочитавъ мою книгу о самоуправленіи, онъ восхитился ею и уговаривалъ меня написать теперь вновь объ этомъ. Теперь, говоритъ онъ, это особенно необходимо, когда внесенъ Толстымъ въ Госуд. Сов. проектъ о земскихъ начальникахъ. Большинство Госуд. Сов. возмущено замысломъ подорвать самоуправленіе и земскія учрежденія. Но я писать не буду. Я только вооружу противъ себя въ неудачный для меня личный моментъ безъ всякой пользы для дѣла.

2 апрѣля. Былъ сегодня у В. К. Павла Алек. и съ нимъ у С. А. на завтракъ.

6 апрѣля. Понедѣльникъ на Святой. Страшно измучился и тѣлесно и духовно эти дни. Въ великую субботу ѣздилъ по заведенному обычаю къ В. К. Дмитрію Конст. и къ Лееру поздравлять съ его рожденіемъ и обѣдалъ у него.

Заутреня въ Зимнемъ Дворцѣ, христосовался съ Государемъ, потомъ разговѣнье у В. К. Александры Іосифовны. Сегодня изъ всѣхъ посѣщенныхъ мною членовъ Импер. фамиліи засталъ только В. К. Павла Алек. Еще разъ убѣдился, какой онъ прелестный молодой человекъ! Всего легче отношенія къ нему.

7 апрѣля. Обѣдалъ сегодня у В. К. Константина Конст. и Елизаветы Мавр. Мы обѣдали втроемъ очень *gemüthlich*. Удивительная жизнь нашей Импер. фамиліи и въ Петербургѣ. Они меня чрезвычайно рады видѣть. И вотъ единственный разъ, когда удалось



въ нынѣшнюю зиму побесѣдовать въ теченіе одного часа. Очень сердечные они оба люди.

Мы много говорили о Конст. Ник. и разбираемыхъ мною теперь бумагахъ Литке. Я разбираю огромную массу бумагъ,—перепишу Литке съ В. К. Константиномъ Ник. и Головиннымъ проекты (проектамъ преобразованій) морского министерства въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Не знаю, что станетъ съ этимъ важнымъ историческимъ матеріаломъ. Замѣчу здѣсь, что только очень трудно разобрать бывшія въ эту эпоху личныя отношенія между Константиномъ Ник., Литке и Головиннымъ. А эти отношенія имѣли громадное значеніе для морскихъ реформъ. Въ бумагахъ, мною читанныхъ, много путаницы и противорѣчій, и трудно будетъ разбраться будущему историку прошедшаго царствованія, въ которомъ Конст. Ник., Головинъ и ихъ затѣи играли значительную роль въ началѣ и въ періодѣ реформъ.

9 апрѣля. Третьяго дня вечеромъ былъ академическій Kränzchen у ген. Тилло—попытка возобновленія этихъ собраній. Были исключительно нѣмцы кромѣ одного меня. Только нѣмцы способны собираться ради научныхъ интересовъ. Русскій элементъ, допущенный на эти вечера нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разстроилъ ихъ.

Вчера былъ экономическій обѣдъ. Я былъ многимъ недоволенъ,—во 1-хъ собралось мало, во 2-хъ вѣчныя мнѣ упреки со всѣхъ сторонъ,—все не такъ, въ 3-хъ, дѣла рѣшены не такъ, какъ я считалъ за лучшее (конечно, я не настаивалъ на своихъ замыслахъ, какъ всегда не настаиваю). Рѣшено учредить премію Грейга за лучшія экономическія сочиненія и составить капиталъ. Подписка пошла вчера очень бойко. Уже подписано на 1.550 р., такъ что можно ожидать 4 т., что достаточно для учрежденія преміи на вѣчныя времена. Я этому очень радъ, потому что, кромѣ чтенія памяти Грейга, мнѣ давно хотѣлось учредить премію за лучшія экономическія сочиненія.

Затѣмъ рѣшено отложить выборы предсѣдателя до зимы. При этомъ гр. Паленъ предложилъ вопросъ объ узаконеніи нашего общества. Рѣшено, чтобъ бюро представило въ октябрьскомъ засѣданіи докладъ по этому предмету. Дай Богъ, чтобъ что-нибудь состоялось.

Выборы предсѣдателя, очевидно, отложены вслѣдствіе нежеланія большинства выбрать Е. И. Ламанскаго. Дурное о немъ мнѣніе меня поражаетъ! Оно отчасти понятно вслѣдствіе его злоупотребленій, когда онъ былъ управляющимъ Государственнымъ Банкомъ, отчасти объясняется гадкимъ свойствомъ петербургскаго общества и вообще людей покидать человѣка, когда онъ не въ силѣ. Я же,

напротивъ, расположенъ всегда поддерживать людей, когда они упали, и идти противъ нихъ, когда они въ силѣ. Это естественное чувство много мнѣ вредило. Л. съ удивительнымъ смиреніемъ всему подчинялся.

Всего страннѣе держитъ себя Тернеръ. Мнѣ очень грустно, какъ онъ сталъ высокомеренъ съ тѣхъ поръ, какъ товарищъ министра финансовъ, хотя скорѣе можно пожалѣть о немъ, что онъ нравственно унизился до этого мѣста. Я не ожидалъ, что онъ такъ ничтоженъ, хотя это и можно было ожидать, начиная съ его молодости.

Какъ мало людей въ Петербургѣ, которые не мѣнялись при той или другой (къ лучшему или худшему) переменѣ официальном положеніи: Гагемейстеръ, Вешняковъ, Ламанскій отчасти (только отчасти), Бунге,—болѣе я не знаю.

10 апрѣля. Сегодня былъ у В. К. Владиміра Алек. на приѣмѣ и завтракъ (по случаю его рожденія). Была вся импер. фамилія и много народу. Со мной были хороши. Императрица показала особенную любезность, подойдя ко мнѣ и давъ руку.

Сегодня опять убѣдился, какъ врутъ въ П. и какъ нельзя ничему вѣрить. Вчера мной слышанное и съ величайшимъ апломбомъ рассказанное о новомъ покушеніи на Государя оказывается совершеннымъ вздоромъ. Вся полицейская исторія по поводу 1-го марта (рассказъ Веліо) оказывается выдумкой. Разобраться въ этой исторіи (ссора городской полиціи съ тайной), и кто спаситель, невозможно. Фактъ только ссора и полная полицейская анархія, что грустно при дѣйствіяхъ нигилистовъ.

13 апрѣля. Всякій день убѣждаюсь, какъ шатки свѣдѣнія, сообщаемыя изъ *самовѣрнѣйшихъ* даже источниковъ, и какъ можно сбить съ толку будущихъ читателей этихъ строкъ, записывая эти свѣдѣнія. Поэтому рѣшился записывать только то, что самъ видѣлъ и несомнѣнно знаю. А такого интереснаго для будущаго очень мало.

16 апрѣля. Сегодня завтракалъ у В. К. Сергѣя Алек., и мы очень сердечно бесѣдовали. Много говорили о политическихъ дѣлахъ. Онъ какъ будто сочувствуетъ всѣмъ моимъ мыслямъ, отчасти соглашается со мной, но не рѣшается это рѣшительно высказывать. Я очень рѣшительно говорилъ ему о нынѣшнемъ горестномъ направленіи дѣлъ, о трудностяхъ, накапливаемыхъ (вслѣдствіе Каткова и Побѣдоносцева) къ будущему царствованію. Онъ съ этимъ вполне соглашался.

23 апрѣля. Очень досадно, что не успѣлъ быть на политическомъ процессѣ этихъ дней (заговорщиковъ 1-го марта). Отъ присутствовавшихъ слышалъ, что процессъ былъ очень интересенъ.

Впечатлѣніе печальное. Пропаганда анархизма весьма распространена и упорна. Преступники (кроме одного ничтожнаго) не показали ни малѣйшаго раскаянія, даже не хотѣли помилованія. Прямо говорили, что шли на цареубійство, какъ на единственное средство противодѣйствовать существующему порядку. Я все-таки, не слышалъ ихъ самъ, не могу по рассказамъ отдать себѣ отчета въ ихъ ходъ мыслей. Говорятъ, что одинъ говорилъ очень умно (между прочимъ, доказывалъ, что въ Россіи безъ насилія нельзя ничего улучшить), но не понимаю, какъ можно умно доказывать всѣ эти нелѣпости.

Вчера завтракалъ у В. К. Сергѣя Алек. Былъ тамъ Хитрово, посланникъ въ Румыніи, одинъ изъ нашихъ замѣчательныхъ дипломатическихъ дѣятелей на Востокѣ. Un beau rapleur. Все критикуетъ, а самъ ничего не сдѣлалъ. Это—особенность нашихъ дѣятелей, ничего не способныхъ произвести и способныхъ только критиковать.

27 апрѣля. Я былъ въ такомъ мрачномъ состояніи, что не былъ въ состояніи ничего записывать, впрочемъ, ничего особеннаго и не было.

Сегодня завтракалъ у В. К. Сергѣя Алек. Было очень пріятно. Говорили объ Ильинскомъ, куда зовутъ меня опять осенью. Сердечность С. А. и Е. Ѳ. всѣхъ превосходить. Съ нѣкоторыхъ поръ они особенно ко мнѣ нѣжны.

Сообщ. М. В. Безобразова.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

